

«УТРЕННЯЯ ЗВЕЗДА ВИТТЕНБЕРГА»: ОБРАЗ КАТАРИНЫ ФОН БОРА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ГЕРМАНИИ XIX ВЕКА

Ключевые слова: Германия, Катарина фон Бора, XIX век, Мартин Лютер, протестантизм, брак, биография, историческая память

Аннотация: В статье рассматривается специфика восприятия Катарины фон Бора, жены Мартина Лютера, немецкой интеллектуальной мыслью XIX в. Автор ставит перед собой задачу не только выявить причины обращения к данной фигуре в конкретный исторический период, но и определить ключевые различия в интерпретации её образа по сравнению с предыдущими столетиями. Для достижения данной цели в качестве основных источников исследуются биографические труды, посвящённые жене и супружеской жизни главы немецкой Реформации. Подобный жанр работ даёт наиболее полное представление о динамичности трансформации образа Катарины, во многом обусловленной социальными процессами, происходившими в Германии на протяжении всего XIX в.: начиная от развития частной жизни эпохи Бидермайера и заканчивая высокой индустриализацией и расцветом национальных настроений. Немаловажную роль при этом играет рост немецкого женского движения. Таким образом, в каждом периоде можно проследить конструирование «новой» Катарины фон Бора, а вместе с ней и нового идеала женской идентичности, нравственного примера для самоидентификации хранительницы семейного очага.

«Утренняя звезда Виттенберга», «гордость дома», «господин Кетэ» — Катарина фон Бора известна под многими прозвищами, большей части которых она обязана неистощимому остроумию её мужа, Мартина Лютера. Однако даже когда предводитель Реформации покинул свет, когда и сама Катарина последовала за ним, список её характеристик про-

должал неуклонно пополняться. За несколько столетий ей пришлось побывать и «обманутой монахиней», «мнимой женой», и «набожной спутницей», «жемчужиной среди женщин», и «робкой супругой», и «бойкой подружкой». Контраст между этими портретами сложно не заметить. Откуда же взялись эти противоречия?

Хотя интерес к личности Катарини не угасает и в наши дни (о чём красноречиво свидетельствует обилие её биографий, приуроченных к 500-летию юбилею Реформации), на этот вопрос всё ещё не так просто ответить. Дело в том, что большинство исследователей, погружившись в источниковую базу XVI в., оставляют вне фокуса проблему конструирования и трансформации образа их героини (редким исключением можно назвать работу С. Крамер¹). В связи с этим, данная статья предлагает сконцентрироваться на метаморфозах прошлого во времени, чтобы выявить факторы, не дававшие Катарине статичной оценки, не позволявшие её сразу кануть в Лету.

Пожалуй, стоит начать с общего вопроса: что вообще побуждает людей вновь обращаться к определённому фрагменту истории, стряхивать пыль с потускневших монументов? Ведь, если следовать размышлениям Ф. Ницше — «всякая деятельность нуждается в забвении»²: человечество больше склонно забывать, нежели помнить. В таком случае, отчего мы продолжаем цепляться за былое?

Поиск ключа к этой загадке долгое время волновал теоретиков истории памяти. М. Хальбвакс в своей монографии «Социальные рамки памяти» полагает, что реконструкция элементов прошлого возникает тогда, когда оно не отдалено

1 **Крамер.** 2016.

2 **Ницше.** 2003: 9.

от «актуальных забот индивида» и его окружения³. Опираясь на его идеи, Я. Ассман в «Культурной памяти» заключает, что прошлое не существует отдельно и само по себе «является результатом культурного конструирования и изображения», вызванного «специфическими мотивами, ожиданиями, надеждами и целями» современности⁴. Таким образом, изучая реконструкции былых эпох, мы работаем в двухмерном пространстве: образ прошлого, конструируемый в исследовании, незаметно отсылает нас к «настоящему» самого автора, невольно выдавая его интересы и ценности.

Возможно ли тогда отделить одно от другого, просеять информацию, выделив коды эпистемы, в которой творил исследователь? Раскрыть её влияние на интерпретацию источников прошлого? Для того, чтобы это проверить, нам необходимо проанализировать такой тип исторического исследования, в котором субъект автора сможет проявиться наиболее ярко, в котором легко обнаружить вопросы, волнующие исследователя. Итак, мы ищем интервью с прошлым, диалог между двумя субъектами. Иными словами — биографию.

Чтобы тщательнее обосновать наш выбор, обратимся к основным характеристикам биографических работ. Т.А. Павлова отмечает, что «в биографии, как ни в каком ином жанре, автор выражает самого себя через того героя, которому посвящено его исследование, а через себя — и особенности, и требования, и сущность своего времени»⁵. Л.П. Репина также подчёркивает исследовательский потенциал биографии с точки зрения диахронии, позволяющий сосредоточиться на

3 Хальбвакс. 2007: 279.

4 Ассман. 2004: 71.

5 Павлова. 1995: 86.

«исторической перспективе и специфике восприятия предшественников из той точки на шкале времен, которая принимается за настоящее»⁶. Таким образом, поняв «специфику восприятия» автора, а вместе с ней и особенности его времени, мы поймём и то, почему выбранная историческая персона вновь стала актуальна в его эпохе.

Подобный биографический подход довольно продуктивен в гендерных исследованиях. Л.П. Репина отмечает, что «в биографиях ярко выступают пределы возможностей, которыми располагает индивид в рамках данного исторического контекста с характерной комбинацией социальной и гендерной иерархий»⁷. Приняв это во внимание, мы постараемся не только выявить причины того, почему в XIX в. образ Катаринины фон Бора был вновь оживлён немецкой интеллектуальной мыслью. Мы также попробуем определить, какая Катарина понадобилась этой эпохе, и проследим трансформацию образа, интерпретация которого постепенно менялась вслед за настроениями времени.

Итак, сама по себе персона Катаринины фон Бора начала привлекать внимание исследователей ещё с конца XVII в. Однако стоит сразу отметить, что в первых публикациях, носивших исключительно теологический характер, она выступала не столько как самостоятельная фигура, сколько как заложница непримиримой полемики между католическими и протестантскими авторами. Протестанты считали своим долгом отстаивать честь Катаринины, очистить от клеветы её брак, который служил излюбленным объектом для нападок со стороны католиков. В глазах последних же женитьба Лю-

6 Репина. 2006: 105.

7 Репина. 2001: 346.

тера на монахине представлялась отличным поводом, чтобы бросить тень на всё его вероучение⁸.

Из самых крупных работ в защиту Катарины можно выделить диссертацию лютеранского пастора Иоганна Фридриха Майера⁹, впервые зафиксировавшую образ «добродетельной супруги» отца Реформации, и «Правдивую историю блаженной фрау Катарины фон Бора»¹⁰ теолога Кристиана Вальха, полемический характер которой прослеживался уже в полном названии: она была направлена против памфлета августинца Энгельхарда. Эти первые жизнеописания Катарины разделяют много общих черт: представляя собой реакцию на упрёки католиков в утаивании порочного брака Лютера, они имеют апологетический характер, полемика с оппонентами выступает на первый план, в то время как историческая личность героини играет третьестепенную роль. Она, скорее, представляет собой иллюстративный пример, нежели полноценный объект исследования.

Недостатки полемических работ не останутся без внимания и будут активно критиковаться в XIX в., когда образ Катарины приобретёт новые функции. Однако, прежде чем обратиться непосредственно к текстам, дабы уловить суть этой трансформации, мы постараемся дать краткую характеристику социокультурным переменам, происходившим в немецком обществе на протяжении этого столетия.

С затишьем Наполеоновских войн немецкие земли окунулись в эпоху Бидермайера. Для нас этот термин примечателен не столько как направление в искусстве и литературе, сколько как отражение настроений, господствовавших в

8 Kramer. 2016: 16.

9 Mayer. 1698.

10 Walch. 1751.

немецком социуме вплоть до Предмартовского периода (1840-1848 гг.), когда вновь активизировались либеральные силы. Уставшие от революционных и военных потрясений бюргеры, ощущавшие вдобавок давление государства, преследовавшего всякую оппозицию, решили отгородиться от политики и устремили свой взгляд в прошлое, вспоминая «старые добрые времена». На первый план вновь вышли традиционные, церковно-семейные ценности, которые представлялась оплотом стабильности в стремительно прогрессирующем мире¹¹.

Бюргерская культура, стремясь вытеснить мысли о женской эмансипации, подкреплённые французским примером ещё в конце революционного столетия¹², несла с собой строгие гендерные предписания. За мужчиной снова прочно закрепилась роль кормильца семьи, добытчика денег, представителя дома во внешней среде, в то время как женщина должна была сосредоточиться на семейном уюте и воспитании детей вдали от «холодной рациональности», вредной её «впечатлительной натуре»¹³. Стремление к «феминизации» женского пола подчёркивалось и сферами деятельности, предписываемым девушкам: их досугом могли быть музыка, салон, театр, лёгкая литература, но мысли о науке и работе вне дома стоило отбросить. Таким образом, в первой половине XIX в. семья выступала крепостью частной жизни с чётким распределением ролей.

Однако выстраивание подобной структуры требовало своих образцов для подражания. Немецкая наука впервые так близко столкнулась с интересом к приватной сфере. Чей

11 **Sterk.** 1988: 38-39.

12 **Hundt.** 2002: 13.

13 **Nipperdey.** 1983: 120.

же быт мог стать для общества простым и ярким примером? Кто мог послужить идеалом для конструирования идентичности домохозяек? В немецкой истории уже была достойная кандидатура — Катарина фон Бора.

В первой половине XIX в. можно выделить две крупные биографии, посвящённые ей. Первый научный труд под названием «История Катарины фон Бора: обработанная по источникам»¹⁴ выходит из-под пера теолога Вильгельма Бесте в Галле в 1843 г. Примечательно, что сам автор отмечает временной разрыв, отделяющий его работу от последнего жизнеописания спутницы Лютера. С момента первого издания «Правдивой истории» Кристиана Вальха прошло почти столетие. В связи с этим, Бесте подчёркивает, как сильно устарела полемика, сложившаяся вокруг фигуры Катарины. Распутыванию спора католических и протестантских авторов он предпочитает анализ источников, часть из которых публикует в приложении, систематизируя их по хронологическому принципу: среди них можно найти письмо к Л. Коппе с заголовком «Причина и ответ, почему свыше разрешено девам покидать монастыри», завещание Лютера и даже генеалогическое древо семьи реформатора.

Стоит отметить, что Бесте одним из первых поднимает проблему всех биографий Катарины фон Бора: даже в личном жизнеописании её образ постоянно теряется на фоне яркой (и богатой на источники) истории мужа. Чтобы создать «самостоятельную, независимую от жизни Лютера» биографию, автор решает осветить все стадии «протестантского пути» Катарины, таким образом, затронув не только брак и семейный быт, но и её жизнь до встречи с будущим супругом¹⁵.

14 Beste. 1843.

15 Beste. 1843: 8.

Даже отрекшись от полемики, автор, как и его предшественники, преследует всё ту же благородную цель — очистить имя жены Мартина Лютера от клеветы. Основную задачу своего труда Бесте также определяет как «заполнение пробелов в церковно-исторической литературе». Брак Лютера кажется ему важным объектом для изучения, так как он сам по себе является воплощением реформационных идей на практике и тем самым служит хорошим примером и для его современников¹⁶.

Почти следом, в 1845 г., в Лейпциге вышла работа пастора Фридриха Хоффмана под названием «Катарина фон Бора или Мартин Лютер как супруг и отец»¹⁷. Полное название конкретизировало характер жизнеописания: «доклад по истории бракосочетания священнослужителей и супружеской и домашней жизни великого Реформатора, составленный по источникам». И хотя автор, по собственным словам, пытался изложить историю Катарины «наиболее полно», основной фокус труда также сосредоточен не на её личности, а на размышлениях Лютера о браке и на его супружеской жизни.

Полемика прошлого века и тут накладывает свой отпечаток. Хоффман заявляет, что все истории Катарины, написанные Энгельхардом и прочими католическими авторами ради поругания Лютера, никак не могут считаться серьёзными исследованиями. Формат полемических и апологетических сочинений, с его точки зрения, не способен показать глубину затрагиваемой темы.

Дух эпохи проглядывает почти с первых слов, автор задается вопросом: что вообще может быть интересного в жизни «добродетельной домохозяйки»? «Жена принадле-

16 Beste. 1843: 5.

17 Hofmann. 1845.

жит тиши дома», поэтому неудивительно, что сведения о её жизни так немногочисленны. Однако, по мнению Хоффмана, не стоит обделять вниманием женщину, ставшую для Лютера «душевным бальзамом»¹⁸. Сопровождая свой труд ссылками на многочисленные источники (в основном личную корреспонденцию реформатора и его жены), автор стремится закрепить за Катариной образ «благоговейной монахини, верной супруги и нежной матери». Таким образом, он, как и Бесте, утверждает в выводе, что брак Лютера является «образцом подражания для всех протестантов».

Следующая биография Катарини была написана уже после революционных событий и провала Франкфуртского парламента. Но прежде, чем мы перейдём к ней, стоит отметить, что в протестах 1848/49 гг. в т.ч. активно принимало участие новое поколение представительниц женского движения. При этом, речь шла о самых разных женщинах: начиная от писательниц и актрис, привыкших к публичности, заканчивая акушерками и учительницами, впервые воззвавших к общественности. Салонная культура Бидермайера не помешала женщинам пробовать себя в печати, пусть и под мужскими псевдонимами, в надежде отстоять свои права на социальную жизнь вне домашних стен. Среди наиболее ярких примеров этой борьбы можно назвать деятельность писательницы Луизы Отто, вокруг которой сформировалось женское общество, издававшее собственную газету. В статье Отто «О положении и образовании женщин», написанной ещё в 1842 г., мы находим основные требования этого движения: право на полноценное образование (с допуском в университеты) и работу для женщин¹⁹.

18 Hofmann. 1845: 4.

19 Ростиславлева. 2005: 242-245.

Реакция на новую волну свободомыслия и эмансипации не заставила себя ждать. Маятник, насытившись мятежным духом, вновь качнулся. Постреволюционные немецкие земли снова обратились к традициям, многие из них вспомнили и протестантские ценности в контексте национальной истории. В это же время семья окончательно вписывается в основание немецкой идеологической конструкции государства²⁰, что также обуславливает появление следующих биографий.

Итак, биография под названием «Катарина Лютер, урождённая фон Бора»²¹, увидела свет в Дрездене в 1854 г. Её автор, теолог и биограф Лютера, Мориц Мойрер поставил перед собой задачу создать книгу для «широкой публики», популяризировать историю Катарины, о которой, по его словам, уже было написано достаточно много научной литературы (в примечаниях автор упоминает работы Майера, Вальха, Бесте и Хоффмана), но не было ещё ни одной биографии, которая базировалась бы на проверенных источниках и при этом по содержанию была бы доступна любому читателю.

Следуя своей цели, автор не только прилагает в приложении источники, публикуя переписку Лютера с женой, но и подробно рассматривает две проблемы, уже поднимавшиеся в работах его предшественников. Во-первых, развивая мысли Бесте и Хоффмана, Мойрер предлагает окончательно «разрубить путанный узел» споров с католиками: лучше попросту игнорировать фальсификации, нежели подменять биографию Катарины очередным «оправдательным сочинением»²².

20 Nipperdey. 1983: 129.

21 Meurer. 1854.

22 Meurer. 1854: 7.

Во-вторых, автор так же сокрушается малому количеству источников, которые вынуждают историков либо заполнять пробелы собственными размышлениями, либо переводить фокус биографии на самого Лютера. Однако при этом Мойрер подмечает довольно важную деталь: почти все сведения о Катарине, с которыми работают исследователи, получены «со слов» её мужа²³. Из этого вытекает, что даже в персональных биографиях образ Катаринины почти невозможно реконструировать отдельно от её великого супруга: Катарину Лютер мы знаем куда лучше, нежели Катарину фон Бора.

Мойрер находит необходимым подчеркнуть, что своим возникновением его труд обязан многочисленным просьбам «широкого читательского круга», желавшего узнать больше деталей о личной жизни Лютера. Таким образом, данная биография становится любопытным примером того, как социальные запросы корректировали формат презентации информации. Чтобы донести протестантские ценности до масс, появляется потребность «очеловечить» вождя Реформации, показав его не только как великого деятеля, но и как примерного семьянина: тут без Катаринины уже не обойтись.

Ещё сильнее эту идею разовьёт пастор и издатель Герман Отто Нитшман, выпустив в 1879 г. в Галле книгу «Катарина фон Бора, супруга Лютера»²⁴, которая за последующие полвека будет переведена на другие языки и переиздана 5 раз. На фоне стремительных темпов развития индустриализации и модернизации, а также расцвета женских организаций биография в формате новеллы, напоминающей о важности традиций и повествующей об идиллии частной жизни

23 Meurer. 1854: 8.

24 Nietschmann. 1879.

Лютера, довольно легко смогла завоевать любовь консервативно настроенного населения.

Нитшман позиционирует себя как прямого продолжателя своих предшественников, ссылаясь в предисловии на уже упомянутые работы Бесте, Хоффмана и Мойрера, с которыми рекомендует ознакомиться. Автор не скрывает, что основной его задачей является «изображение домашнего счастья великого человека». В связи с этим проблема скудных сведений о Катарине его не сильно обескураживает. Он отмечает:

Пишу ли я о Катарине или о Лютере? В этой книге я хочу изобразить быт Лютера, поэтому доктор Мартин как глава дома может взять на себя лидирующую роль²⁵.

Что касается портрета самой Катарины, то автор представляет её как «скромную, покорную жену», которая никогда не извлекала личной выгоды из величия своего мужа, оставаясь всегда позади, готовая ему услужить. Нитшман величает её спутницей «в самом подлинном смысле слова», «жемчужиной среди женщин». Таким образом, в его интерпретации Катарине фон Бора вновь достаются основные характеристики протестантского идеала.

Тенденция идеалистических изображений Катарины не прервётся и в биографии профессора Альбрехта Тома, приуроченной, по его замыслу, к 400-летию юбилею со дня рождения героини. Вышедшая в Берлине в 1900 г., «Катарина фон Бора: историческая биография»²⁶ вобрала в себя все ключевые аспекты, сложившегося в XIX в. образа. Итак, Катарина вновь выступает создательницей домашней «идиллии», в которой Лютер мог отдохнуть от своих «драматичных битв».

25 **Nietschmann.** 1879: 4.

26 **Thoma.** 1900.

Тем не менее, эпоха сменилась. Такие процессы, как рост женских ассоциаций, включение женщин в промышленное производство, развитие академического женского образования (хотя, если в Баварии этот процесс был запущен ещё в 1866 г., то в консервативной Пруссии допуск в университеты женщинам был открыт лишь 40 лет спустя)²⁷, уже не позволяли свести всю личность Катарины к безмолвной хозяйке очага. Требовался новый тип женской идентичности. Таким образом, Тома добавляет к портрету куда больше красок. Впервые речь заходит о чертах характера, о личности «бойкой и темпераментной» спутницы, о её предпринимательской хватке. Из всей многочисленной корреспонденции реформатора автор выделяет его письма к жене, считая их «самыми оригинальными», наполненными шутками, которая могла понимать и разделять лишь женщина очень «приятного характера»²⁸. Одна из подглав книги даже целиком посвящена чувству юмора Катарины, что не только оживляет её изображение, но и наглядно контрастирует с каноном «робкой» жены.

Конструируя образ супруги Лютера, Тома заново анализирует источники, упоминая их публикации в работах Бесте и Хоффмана. Ему удивительно, что после этих научных трудов «за последние полвека, в это выдающееся историческое время» не появилось ни одной биографии Катарины, даже в год её юбилея. По его мнению, Катарина заслуживает свой отдельный скромный «памятник»:

Если фрау Кэте ничто без доктора Мартина, то стоит спросить: кем бы был Лютер без своей Кэте?²⁹

27 **Hundt.** 2002: 306.

28 **Thoma.** 1900: 3.

29 **Thoma.** 1900: 4.

Без Катаринины жизнеописанию реформатора не хватало бы «столь привлекательных для нас, немцев, уютных отношений семейной жизни». Итак, семейное счастье Лютера позиционируется уже не просто как протестантский идеал. Нарратив Тома не случайно приобретает явный национальный характер: единая немецкая нация, пробудившаяся в период революции 1848-1849 гг. и окрепшая с созданием Германской империи, нуждалась в образцах для самоидентификации. Национальная идея же, в первую очередь, строилась на «героическом прошлом», «великих людях» и «истинной славе»³⁰. Таким образом, если Мартин Лютер и Реформация уже давно были вписаны в пантеон великих людей и событий, то Катарина фон Бора попадает в него лишь к концу века, проявляя себя уже в качестве национальной героини. Отныне за ней закрепляется статус «спутницы гордости нации», занимающей своё почётное место «в душе немецкого народа»³¹.

На этой патриотичной ноте мы завершаем обзор биографий Катаринины фон Бора, отразивших в себе не просто тоску по прошлому, но и попытку адаптировать традиционные модели в бурном XIX в. В отличие от XVIII в., исследователей этого столетия больше не занимали дебаты с католиками: важность брака Лютера, поддержка его верной супруги понимались уже как сами собой разумеющиеся аспекты, которые не нуждались в доказательстве. Вместо этого авторы обратились к источникам, значительно приумножив исследовательскую базу, что позволило детализировать конструируемый ими миф.

30 Ростиславлева. 2016: 337.

31 Thoma. 1900: 4.

Потребность в образе Катарины фон Бора была, в первую очередь, вызвана расширением пропасти между «мужским», рабочим, общественным миром и «женским», домашним, семейным, кругом. Углубление этого разрыва вызвало новые волны движения за эмансипацию женщин, угрожавшие консервативному порядку. Параллельно с этим в Германии активно разворачивался процесс нациообразования, в ходе которого образы великого прошлого вновь выдвинулись вперёд, формируя лицо нации. Все это напрямую повлияло на то, что достойный пример для женской самоидентификации, необходимость в котором значительно возросла к концу века, был найден именно в спутнице предводителя Реформации. Так из объекта полемики Катарина стала идеалом немецкой домохозяйки.

Однако и на этом её метаморфоза не закончилась: каждая новая биография, отвечая своему времени, придавала ей больше черт. «Благоговейная» протестантка, живущая «в тиши дома» в середине XIX в., к концу столетия превратилась в «темпераментную» немку с предпринимательской хваткой и хорошим чувством юмора. Изменилась не Катарина, изменилась специфика её восприятия, обусловленная трансформацией многочисленных факторов. Таким образом, на примере конструирования образа Катарины фон Бора мы смогли наблюдать многогранность истории, в которой настоящее неумолимо вмещивается в интерпретацию прошлого, желая создать лучшее будущее: и кто знает, какую Катарину породит следующая эпоха?

Список источников и литературы

ИСТОЧНИКИ

Beste. 1843 — Beste W. Die Geschichte Catharina's von Bora: nach den Quellen bearbeitet. Halle: Richard Mühlmann, 1843.

Hofmann. 1845 — Hofmann F. G. Katharina von Bora oder Dr. Martin Luther als Gatte und Vater: ein Beitrag zur Geschichte der Priesterehe sowie des ehelichen und häuslichen Lebens des großen Reformators nach den Quellen bearbeitet. Leipzig: Julius Klinkhardt, 1845.

Mayer. 1698 — Mayer J.F. De Catharina Lutheri Conjuge, Dissertatio. Scripta ad Nobiliss. Juvenem Dn. Michaellem Richey, Hamburgensem. Leipzig: Thomas Fritsch, 1698.

Meurer. 1854 — Meurer M. Katharina Luther geborne von Bora. Dresden: Justus Naumann, 1854.

Nietschmann. 1879 — Nietschmann H.O. Katharina von Bora, Luthers Ehegemahl: ein Lebensbild. Halle, 1879.

Thoma. 1900 — Thoma A. Katharina von Bora: geschichtliches Lebensbild. Berlin, Georg Reimer, 1900.

Walch. 1751 — Walch C.W.F. Wahrhaftige Geschichte der seligen Frau Catharina von Bora, D. Martin Luthers Ehegattin, wieder Eusebii Engelhards Morgenstern zu Wittenberg. Halle: Johann Justinus Gebauer, 1751.

ЛИТЕРАТУРА

Ассман. 2004 — Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Ницше. 2003 — Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни. Сумерки кумиров, или как философствовать молотом. О философах. Об истине и лжи во вненравственном смысле / Пер. с нем. Минск: Харвест, 2003.

Павлова. 1995 — Павлова Т.А. Психологическое и социальное в исторической биографии // Политическая история на пороге XXI века: традиции и новации. М.: ИВИ РАН, 1995. С. 86-92.

Репина. 2001 — Репина Л.П. Персональные тексты и «новая биографическая история»: от индивидуального опыта к социаль-

ной памяти // Сотворение Истории. Человек – Память – Текст. Казань: Мастер Лайн, 2001. С. 344-360.

Репина. 2006 — Репина. Л.П. Биографический подход к интеллектуальной истории // Философский век. Альманах. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2006. С. 101-108.

Ростиславлева. 2005 — Ростиславлева. Н.В. От салона к баррикаде. Женщины эпохи Гейне [рецензия] / Н.В. Ростиславлева; под ред. Ирины Хундт // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. №10. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 241-247.

Ростиславлева. 2016 — Национальная идентичность немцев в фокусе наследия Отто фон Бисмарка //Диалог со временем. №54. М.: ИВИ РАН, 2016. С. 336-349.

Хальбвакс. 2007 — Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007.

Hundt. 2002 — Hundt I. Vom Salon zur Barrikade. Frauen der Heinezeit. Stuttgart: J.B. Metzler, 2002.

Kramer. 2016 — Kramer S. Katharina von Bora in den schriftlichen Zeugnissen ihrer Zeit. Leipzig: Evangelische Verlagsanstalt GmbH, 2016.

Nipperdey. 1983 — Nipperdey T. Deutsche Geschichte: 1800-1866. Bürgerwelt und starker Staat. München: C.H. Beck Verlag, 1983.

Sterk. 1988 — Sterk H. Biedermeier. Vormärz — eine Epoche der Gegensätze: zwischen schönem Schein und sozialer Wirklichkeit, zwischen Idylle und sich anbahnender Revolution, zwischen Freiheitsdurst und Zensur. Wien: Verlagsgesellschaft, 1988.

Kramer. 2016 — Kramer S. Katharina von Bora in den schriftlichen Zeugnissen ihrer Zeit. Leipzig: Evangelische Verlagsanstalt GmbH, 2016.